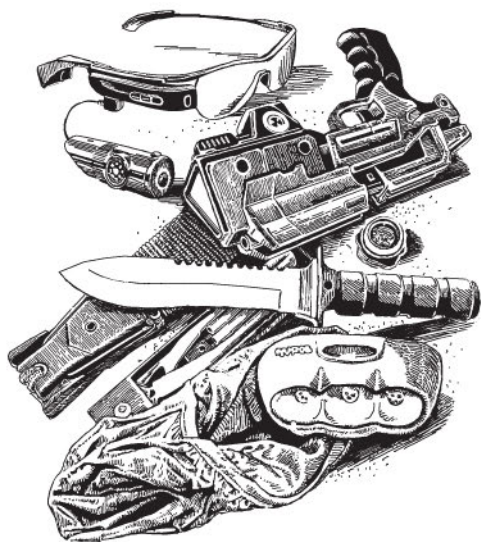

ЕВГЕНИЙ ГУЛЯКОВСКИЙ

Сезон туманов

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445
Г 94

Составитель Александр Жикаренцев

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрации и иллюстрация на обложке
Сергея Григорьева

© Е. Гуляковский, 2016
© С. Григорьев, иллюстрации, 2016
© А. Жикаренцев, состав, 2016
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-11584-2

Сезон туманов

Роман

Часть первая

БЕЛЫЕ КОЛОКОЛА РЕАНЫ

1

Колония расположилась в долине Трескучих Шаров. Только раз в восемь лет набирали силу для цветения эти странные растения. Раз в сезон наполнялись соком их могучие стебли, несущие на шестиметровых венчиках огромные мятые баллоны спороносов, и тогда без маски нельзя было выйти из коттеджа. Одурающий запах непостижимым образом проникал сквозь биологическую защиту и сложную систему химических фильтров. В такие ночи Дубров плохо спал. Не помогала даже система аутогенной тренировки. Пронзительный тревожный запах забирался в его сны и звал из коттеджа в долину, туда, где ветер, разогнавшись в ущелье, сталкивал друг с другом огромные белые погремушки. Ему снилось, что это звонят колокола его далекой родины. Белые колокола.

Высоко в небе Реаны прочертила свой след падающая звезда. Она летела медленно, роняя колючие искры, словно капли голубой воды. Дуброву казалось, что он видит звезду сквозь плотно сжатые веки и потолок коттеджа. Галлюцинации в период цветения шаров обладали резкой убедительной силой, к тому же они всегда имели прямую связь с реально происходящими событиями.

Дубров рывком поднялся с постели и нащупал выключатель рации. В шестом квадрате чуткие усики локаторов нащупали ракетную шлюпку... Дубров вздрогнул и, не поверив себе, сравнил цифры, появившиеся на информационном табло, с данными компьютера. Ошибка исключалась. Это был все-таки ракетный шлюп. Радиограмма достигла Земли поразительно быстро. Из этого следовало сразу три вещи. Во-первых, его немедленно отстранят от должности. Во-вторых, в ближайшие дни он навсегда покинет Реану, а следовательно, никогда больше не увидится с Вельдой. Было еще и в-третьих... В-третьих, означало, что загадка Трескучих Шаров никогда не будет разгадана. Любому человеку, для того чтобы подойти к решению так близко, как это удалось сделать ему, по-

требуется не меньше восьми лет. Сезон цветения шаров кончится через два месяца, а до следующего сезона колония на Реане наверняка будет свернута.

Инспектор внеземных поселений был сух, официален и почти скучен. На его острых скулах выступила рыжая щетина, и Дубров неприязненно подумал, что для инспектора Реана — всего лишь глухая провинция.

В руках инспектор вертел маленький серебряный карандаш. Дубров пристально следил за мельканием блестящей палочки, стараясь взять себя в руки и подавить неуместное сейчас раздражение.

— Вам известно правило, запрещающее контакт с биоценозом чужих планет?

— Я знаю наизусть тридцать второй параграф колониальной инструкции.

— Прекрасно. — Инспектор устало растер виски. — В таком случае я хотел бы выслушать, чем вы руководствовались, нарушив его.

— Вряд ли вы меня поймете. Для того чтобы понять, нужно прожить здесь лет десять. Параграф нарушен. Я согласен принять на себя всю ответственность, разве этого не достаточно?

— Мне необходимо знать мотивы, которыми вы руководствовались. Не всегда инструкция отражает объективные условия конкретной планеты. В таком случае, если доводы обоснованны, мы изменяем инструкцию. Итак, ваши мотивы?

Дуброву стало скучно. Разговор потерял смысл. Мотивы... Как будто он мог рассказать об этом, как будто это можно было понять, не испытав самому.

— Масло трескучек не наркотик. — Он произнес это тихо и убежденно, не надеясь, что ему поверят.

Ротанов закончил расследование поздно вечером. Он сложил кристаллограммы с записью показаний очевидцев в сейф, выключил автоматического секретаря и прошел в тамбур. Загорелось табло с надписью: «Наденьте маску». Противный привкус ментола, пробившись через мундштук, вызвал у него легкий приступ тошноты. Двойная дверь со скрипом ушла в сторону, и он шагнул на тропинку, ведущую к коттеджу совета старейшин. Ему предстоял еще один неприятный разговор. Он прошел через площадку, сплошь забитую зеленой ботвой огурцов и редиса. Земные овощи легко освоились с непривычной почвой. В этой долине все росло удивительно бурно, хотя остальная поверхность планеты представ-

ляла собой бесплодную пустыню. Собственно, именно этот фактор определил судьбу колонии. Десять лет люди топтались в долине трескучек, так и не сумев сделать ни одного шага наружу. Резервация — вот что это такое. Резервация, не имеющая никаких перспектив, к тому же слишком дорогая. Ротанов остановился и зачерпнул из-под ног горсть сухой голубоватой пыли. Смесь песка и глины. Такая же, как в пустыне. Ничем она от нее не отличается, ну абсолютно ничем. Анализ делали по крайней мере раз десять, и вот поди ж ты, растения здесь растут как на дрожжах, стоит лишь дать им немного воды и минеральных удобрений, а в пустыне они не растут... Ротанов пропустил сквозь пальцы сухую струйку песка и задумался. Ему не хотелось идти к коттеджу старейшин, ему не хотелось выполнять такую очевидную и необходимую миссию. Все дело в том, что это на Земле казалась она такой уж очевидной и необходимой. На Земле, а не здесь.

Они собрались в тесной комнате все четверо. Троице было не больше сорока, и только Крамов мог похвастаться седыми висками.

В дальних колониях срок человеческой жизни отмеряют иные, чем на Земле, факторы. И, подумав об этих украденных у них годах жизни, Ротанов обрел наконец необходимую твердость.

— Я должен сообщить вам решение Главного Космического Совета. Поселение на Реане решено ликвидировать.

Собственно, это было его решение. Для того и существовали инспектора внеземных поселений. Совет не мог оценить всех местных факторов, и последнее слово всегда оставалось за инспектором. Почему-то он не мог сказать им прямо в глаза: «Я решил». Он даже понимал почему. Хотя они ждали от него именно этих слов, готовились к ним, он сразу увидел, как замкнулись, посуровели их лица, резче обозначились скулы. Так уж устроен человек: вложив в кусок чужого пространства годы своего труда, надежды и планы, он превращает это пространство в дом, в маленький кусочек родной планеты, и чем труднее дается борьба за этот клочок земли, тем он ему дороже, и ничего с этим не сделать, за сотни лет ничего не изменилось... Но освоение далеких, не приспособленных к жизни планет обходится слишком дорого. Развитие таких вот оторванных от человечества маленьких колоний чаще всего проходит неблагоприятно. На Реане смертность превысила рождаемость, колония с каждым годом уменьшается, попросту вымирает, и он обязан увести их отсюда. Им уже подготовлено место для нового поселения на Регосе. И, понимая все это, он все же отвел взгляд в сторону, прикрыл свое решение именем Главного Совета

и теперь слушал их ледяное молчание, в котором ворочались тяжелые, как валуны, возражения и даже обвинения в адрес совета и в его собственный адрес. Он не сомневался, что через минуту они соберутся с мыслями и все ему выскажут. Что совет далеко, что он не понимает, что это лишь временное отступление, что они собирают данные, анализируют причины. Что годы изучения и освоения планеты не прошли даром, что именно сейчас они готовятся к решающему броску... Все это он уже слышал. Чтобы опровергнуть все их доводы, достаточно простого компьютерного расчета, и все же он чувствовал себя виноватым, словно это он сорок лет назад послал их на Реану, словно это по его вине десять лет они ломались сквозь пространство к своему малоисследованному, новому дому, открытому автоматическим зондом. Но раз ему дано право принимать решения, то вместе с этим нелегким правом на человека автоматически ложится и все бремя ответственности за прежние ошибки, совершенные другими и породившие в конце концов условия, приведшие к сегодняшнему нелегкому разговору.

Первым поднялся председатель совета старейшин Крамов и молча положил перед Ротановым пачку фотографий.

— Что это?

— Развалины.

— Что-что? — не поверил Ротанов.

— Развалины. Остатки кладки. Очень древние, не меньше десяти тысяч лет.

Ротанов разложил перед собой пачку так, как раскладывают пасьянс. Это уже третья находка. Остатки стен, где ничего не сохранилось, кроме этих древних камней. Нельзя будет даже установить, что это такое. Скорее всего, и здесь был лагерь какой-то чужой экспедиции. Если бы на Реане была своя древняя и вымершая цивилизация, она бы оставила больше следов, Ротанов задумчиво переключал фотографии и не спешил с ответом, понимая, что теперь у Крамова появились основания требовать от совета исследовательской экспедиции, что до ее завершения колонию сворачивать нецелесообразно... Вряд ли совет санкционирует такую экспедицию. От развалин почти ничего не осталось, к тому же это не первая находка, две другие так ничего и не прояснили, хотя там было потрачено впустую много сил. Тысячелетия назад кто-то строил в космосе эти стены из камня, строил на разных планетах — вот все, что они узнали об этих развалинах.

— Археология за десять светолет — для нас это сейчас дороговато, может быть, в будущем...

— А мне кажется, я понимаю, в чем тут дело! — перебил его самый молодой из членов совета старейшин, геолог Миров.

— Да? — заинтересованно спросил Ротанов.

— Совет не хочет поддерживать поселения на дальних планетах, потому что в своем развитии они выбирают самостоятельный путь, слишком независимый от Земли!

— Хорошо, — неожиданно для себя согласился Ротанов. — Я посмотрю эти развалины. Если окажется, что они представляют интерес, я буду голосовать в совете за исследовательскую экспедицию. — В глубине души он был уверен, что это бессмысленная затыжка времени, что он все равно не отступит от первоначального решения. Когда все стали расходиться, он задержал Крамова.

— Я хотел бы знать ваше мнение в этой истории с Дубровым. Он утверждает, что сок трескучек не содержит наркотических веществ. Образцы сока исследовали лучшие лаборатории Земли. Результат исследования мы вам сообщали... — Крамов задумчиво покачал головой.

— Тут все не так просто. Полностью законсервировать сок не удастся, он начинает изменяться уже через несколько минут после того, как его извлекут из плодов трескучки. В нем происходят сложные химические реакции, а уж через год... Одним словом, Земля исследовала не сок трескучек, а то, что от него остается. Какие-то кислоты образовались, какие-то эфиры разрушились — словом, здесь он совсем другой, и его действие на человеческую психику очень сложно, гораздо сложнее простого наркотика. К тому же, учтите, к наркотику надо привыкнуть, только тогда появится побудительный стимул для его приема. У нас все получается наоборот. Как вы знаете из наших отчетов, два человека уже погибли, попробовав сок трескучки. И все же нашелся третий... Я не знаю, почему он выжил и что теперь с ним будет. А тем более я не знаю, почему он это сделал... На Земле вам все кажется проще, чем оно есть на самом деле.

— Возможно, вы правы... — Ротанов задумчиво катал маленький бумажный шарик. — Но здесь может быть и другое объяснение, ведь Дубров работал с трескучками, как и те двое?

— Да, конечно.

— В таком случае можно предположить, что наркотик действовал постепенно, малыми дозами проникая через фильтры вместе с запахом. Он накопился в организме в достаточном количестве, и родилось острое желание попробовать его в большой дозе...

— Вместе с ним над трескучками работало еще человек десять, и только один из них...

Ротанов пожал плечами:

— Возможно, у них лучше работали фильтры.

Они надолго замолчали. Крамов нервно комкал пластиковую скатерть на столе.

— Что вы собираетесь с ним делать?

— Полная изоляция и жесткий карантин не менее года в лучших клиниках Земли.

— Он может не согласиться.

— Даже в том случае, если работы здесь будут свернуты? Ведь без карантина возврат на Землю для него исключен.

— Даже в этом случае.

— Я не думаю, что у него останется право на свободу поступков. В случае повреждения психики человек может быть лишен такого права.

— Это жестоко, Ротанов.

— Я обязан думать прежде всего о безопасности всех остальных. Вместе с соком трескучки он мог заразиться каким-нибудь неизвестным вирусом, воздействие чужих биогенов на человеческий организм непредсказуемо. В конце концов, он может стать попросту опасен. И потом, мы должны выяснить, как действует на человека сок этих проклятых растений! Хоть это мы увезем отсюда...

— Слишком дорогую цену вы готовы заплатить. Но я думаю, у вас ничего не получится.

— Уж не вы ли мне помешаете?

— Нет. Но я предупредил — все гораздо сложнее, чем кажется с первого взгляда. Когда вы намерены осмотреть развалины?

— Завтра на рассвете. Приготовьте вездеход.

— Вы знакомы с археологией?

— Кладку Рэнитов я узнаю! — уже не скрывая раздражения, ответил Ротанов.

— Хорошо. Я распоряжусь насчет вездехода. За вами зайдет Нита и проводит в подготовленный для вас коттедж.

— Я мог бы остаться здесь. Все коттеджи стандартны.

— Как хотите.

Глухая тоска навалилась на Ротанова сразу же, как только за Крамовым захлопнулась тяжелая двойная дверь наружного тамбура. Ну почему он вынужден натягивать на себя непробиваемую носорожью шкуру в разговоре с этими отличными ребятами? Что за проклятая должность! И ведь нельзя иначе. Прежде всего он обязан быть объективен. Любые эмоции, личные симпатии — все это не должно вмешиваться в его работу. Тоска от этих рассуждений не стала меньше. Он знал, что никто к нему не придет, даже

эта симпатичная девушка Нита, которую наверняка попросили быть к нему предельно внимательной. В конце концов, долг вежливости они выполнили, параграф соблюден, хоть в этом они имеют право быть с ним на равных.

Оборотной стороной его работы было полное одиночество и отчуждение во всех инспекционных поездках. Он привык к этому и не ждал ничего другого.

Дубров вышел из коттеджа часа в два. С минуту он стоял на пороге, вслушиваясь в ночные шорохи. То, на что он решился, делало для него одинаково опасным и людей, и все остальное. Он не смог бы подобрать более точного определения для этого «остального». Определения попросту не существовало в человеческом языке. Осматривая лагерь, скупо освещенный ночными фонарями, он еще раз проверил поклажу в своем рюкзаке. Здесь были мощный и легкий фонарь, нож, веревка, винтовой пресс, герметический пузырек. На поясе у него болтался тяжелый футляр с излучателем. Дубров проверил заряд, искренне надеясь, что ему не придется пользоваться излучателем. Вообще говоря, на Реане не было животных, вот только в период цветения шаров это оказывалось не совсем верным...

Вечером в своем коттедже он слышал разговор старейшин с Ротановым так отчетливо, словно в их комнате стоял передатчик. С ним это уже бывало, и он знал, что слуховые галлюцинации, скорее всего, соответствуют истине. Во всяком случае, рисковать он не мог. Времени у него оставалось очень мало. Только до рассвета, часов шесть, не больше.

Поселок колонии располагался у самого края речной долины. Поля и огороды врезались в заросли трескучек, отняв у них порядочный кусок плодородной почвы.

«Словно мы у себя дома, — подумал Дубров. — Словно это лес, который можно корчевать... Но только это не лес». Он сплунул в песок, растер сапогом пыль, еще раз проверил фильтры и только теперь натянул маску. Снизу пробрался ветер. Большой мягкой лапой он прошелестел в проводах, поднял с тропинки блеснувшее в лучах фонаря облачко пыли и умчался за изгородь к холмам, на которых росли трескучки. Почти сразу же оттуда донесся оглушительный хлопок, словно кто-то взорвал там петарду.

«Началось», — сквозь зубы проворчал Дубров и поежился. Он понял, что если немедленно не уйдет, то, скорее всего, вернется обратно в коттедж, решимость его улетучивалась как дым. Он вспомнил серебряный карандашик в руках инспектора, зло выру-

гался, подтянул рюкзак и шагнул в темноту. Еще минуту-другую его фигура смутно маячила в неярком свете фонаря, потом она исчезла у ограды поселка.

Тревога не дала Ротанову уснуть всю первую половину ночи. Особых причин для этого вроде бы не было. Все шло как обычно. Ликвидация не оправдавшей себя далекой колонии всегда связана со столкновением различных интересов и нервотрепкой. Скорее всего, на него так сильно подействовал необоснованный упрек Крамова в жестокости. А может быть, была другая причина? Ощущение опасности, к примеру? Нет, это не то. Чувство непосредственной опасности было ему слишком хорошо знакомо.

Ротанов терпеть не мог прибегать к услугам химии и предпочел встать. Он смочил виски холодной водой — от бессонницы у него слегка разболелась голова, и решил немного пройтись. Процедура надевания маски прогнала остатки сна. Он пожалел о своей затее, но отступить было поздно.

Странные колючие растения, привезенные не то с Земли, не то с Марса, оплели весь балкон. В полумраке их мясистые стебли казались щупальцами подводных чудовищ. Небо затягивала легкая облачная пелена, такая прозрачная, что сквозь нее неясными размытыми шариками проглядывали звезды. Где-то у самого горизонта вставала одна из двух лун Реаны, и ее призрачный зеленоватый свет окрашивал горизонт на востоке.

Всякий раз, прилетая на чужие планеты, Ротанов испытывал странное чувство ожидания скрытой здесь от людей тайны и еще удивление. Удивление тому, что стоит сейчас в таком месте, где его не должно быть. Не может быть. В месте, заведомо скрытом, запретном для людей. Отделенном от них бесчисленными километрами пустоты, и вот поди ж ты... они сажают здесь салат и эти колючие никчемные стебли.

Возможно, это чувство постоянного удивления помогало сохранить ему остроту и свежесть восприятия, способность замечать детали, столь необходимые в его работе. Но оно же и мешало ему порой, отвлекало, уведило в сторону от сиюминутной, конкретной задачи, правда потом почему-то чаще всего оказывалось, что этот неожиданный поворот открывает перед ним новые горизонты, выводит из тупика, помогает раскрыть какую-нибудь сложную загадку, решение которой лежало за пределами обычных проторенных дорог. Возможно, именно это называлось интуицией...

Человека у ограды он заметил не сразу. Кому-то еще не спалось в этот поздний час... Вначале он почувствовал всего лишь удивление, но уже через секунду его насторожила странная, крадущаяся походка человека. Он хотел его окликнуть, но мундштук маски во рту помешал это сделать, и человек успел скрыться. Там не было никакой калитки. В той стороне за оградой начинались дикие заросли, и пойти туда ночью мог решиться всего лишь один человек, и если он не ошибся, то эта ночная прогулка Дуброва многое могла прояснить в запутанной истории с соком трескучек...

Замаскированный пролом в ограде он нашел не сразу, к тому же свет далеких теперь фонарей уже не мог ему помочь, и хотя взошла луна, ее призрачный отсвет не пробивался сквозь плотную зеленую подушку листьев, висевшую у него над головой. Ротанов остановился и прислушался. Заросли были полны непрекращавшейся ни на секунду мешаниной непонятных звуков. Что-то шуршало, потрескивало, скрипело и пищало у него над головой. Неожиданно впереди раздался оглушительный взрыв. Рвануло совсем близко и без единого проблеска пламени. Ротанов бросился на звук, выставив вперед руки, стараясь уберечь лицо от хлещущих, плотных, словно вырезанных из железа, листьев. Неожиданно он услышал, как на самом верху, в кронах растений, родился новый непонятный звук. Впечатление было такое, словно кто-то разорвал у него над головой мешок с песком, и целые потоки этого песка хлынули вниз со свистом и шелестом, подминая под себя листья. Ротанов рванулся в сторону, но опоздал. Сухой шелестящий поток обрушился ему на плечи и сразу же, не задержавшись на одежде, скользнул вниз. Почти в ту же секунду Ротанов споткнулся о корень растения и растянулся на земле.

Удар был достаточно силен. Секунду-другую у него перед глазами плясали огненные искры. И, лишь окончательно придя в себя, он увидел впереди, в нескольких шагах, неподвижное пятно света. Источник света загораживала от него плотная щетина молодой поросли трескучек. Стебли казались такими плотными и толстыми, словно их сделали из твердой резины. Все же ему удалось ползком продвинуться вперед на несколько метров и осторожно раздвинуть последний ряд растений, отделявших от него источник света. К несчастью, луч фонаря, валявшегося на песке, оказался направленным прямо в лицо Ротанову и на мгновение ослепил его.

Дубров втиснулся в пролом изгороди и очутился в зарослях трескучки. Он знал здесь каждую тропку и знал, что нужно искать. Он не заметил преследования и все же очень спешил. Ему пред-

стояло выбрать достаточно зрелое растение, в то же время оно ни в коем случае не должно было быть полностью созревшим и готовым к выбросу спор. Определить это в темноте, да еще снизу, не видя спороносов, было нелегким делом. В конце концов он остановил свой выбор на толстом шершавом стволе и полез вверх. За долгие годы у него выработалась в этом деле приличная практика. Чтобы не повредить растения, он никогда не пользовался механическими приспособлениями и взобрался на шестиметровую высоту по совершенно гладкому стволу с помощью связанной кольцом веревки, особым образом перекинутой вокруг ствола и служившей опорой для ног. Колючки начались на уровне кроны, и здесь понадобилась вся его осторожность и весь предыдущий опыт, чтобы пробраться сквозь опасную зону.

Наверху, как только он миновал нижний пояс листьев, сразу стало светлее, здесь ствол раздваивался, и Дубров выругался сквозь зубы. Двойной ствол на этой высоте означал, что растение имело два спороноса — случай довольно редкий и достаточно опасный, поскольку спороносы хоть и созревали практически в одно время, все же оставалось небольшое индивидуальное различие, и оно могло окончиться трагически, если второй споронос достиг стадии зрелости раньше первого. Дубров взобрался теперь почти к самой чашечке, увенчанной огромным двухметровым белым шаром со сморщенной оболочкой. Ощупав его, он почти безошибочно смог определить степень зрелости, но второй споронос... Он раскачивался где-то рядом; всмотревшись, можно было различить за спиной бледное белое пятно. Дубров зажег фонарик и теперь смог рассмотреть чуть желтоватую, изрезанную глубокими складками поверхность оболочки. Все равно это ничего не дало. Конечно, можно было спуститься до развилки и вновь подняться к этому второму спороносу. Но, во-первых, определение на ощупь никогда не было особенно точным, все равно приходилось рисковать, а во-вторых, Дуброва с самого начала, с того момента, как он решил на этот поход, не покидало ощущение, что времени у него в обрез, что он опаздывает и дорога каждая секунда... Он не мог бы объяснить причину этого чувства, но в последнее время привык доверять своим ощущениям и предчувствиям.

Секунду поколебавшись, он решил не тратить время на второй споронос и достал нож. Самым трудным и опасным моментом было вскрытие оболочки. Дубров знал, что если споронос созрел, то на прикосновение он отреагирует взрывом, он помнил, как погиб Кольцов... Взрывом его сбило со ствола и швырнуло вниз на колючки... Можно было, конечно, привязаться к стволу, но он

знал, какой силы может быть взрывная волна, и из двух зол выбрал меньшее... Рука с ножом осторожно приблизилась к оболочке и медленно, сантиметр за сантиметром, стала погружаться в рыхлую массу. Лоб Дуброва мгновенно покрылся испариной, он чувствовал себя так, словно надрезал ножом корабельную мину, да так оно, в сущности, и было. Конец ножа уперся в преграду. Это была внутренняя твердая пленка. Если споронос не созрел, то давление газов в нем еще не достигло опасного предела... Весь сжавшись, ежесекундно готовый к сокрушающему удару, Дубров изо всех сил надавил на рукоятку ножа. Раздался легкий треск, и нож, проломив последний твердый слой, ушел в споронос по самую рукоятку. Ничего не произошло.

«Когда-нибудь я все-таки ошибусь...» — подумал Дубров. Если это случится, его похоронят без всяких почестей. Он нарушал закон, то есть попросту был обыкновенным преступником. «Но ведь они не знают... — подумал он. — Не знают и не хотят знать...» Он вспомнил свою единственную попытку объяснить совету колонии действие масла трескучки. Результат был прост и печален — «галлюцинации, отравление растительными ядами». Таково было официальное заключение на его докладную записку. Наверно, нужно было все оставить, вернуться к нормальной жизни, сделать вид, что ничего не произошло, но для тех, кто попробовал сок трескучки, обратного пути уже не было. На этот раз ему повезло, и не стоило заглядывать слишком далеко в будущее.

Оставшаяся процедура уже не представляла никакой опасности. Он легко вырезал в спороносе отверстие достаточное, чтобы внутрь можно было просунуть руку. Нашупал венчик незрелых спор и в самом центре пустое углубление для семени. Оно всегда было пустым. Может быть, на тысячу растений одно завязывало в процессе своего развития это таинственное семя, о котором среди колонистов было сложено так много легенд. Дуброву ни разу не довелось увидеть его самому. Он опустил руку ниже и нашупал расположенные вокруг мясистого семяложа масляничные железы. Никто толком не знал, для чего нужны трескучке эти железы, выделяющие остро пахнущее, одуряющее масло. Биологи считали их атавизмом, остатком органа, который помогал переносу спор в те далекие времена, когда здесь существовали какие-то огромные, исчезнувшие ныне насекомые. Страшно подумать, как много тысячелетий пронеслось над планетой с того момента, как на ней зародились эти могучие зеленые великаны, увенчанные белыми шарами спороносов. Ступни ног у Дуброва затекли, веревка, обхватывавшая ствол, врезалась в подошвы, и все же он решил про-

делать всю процедуру по добыче масла в этой неудобной позе, не спускаясь со ствола на землю. Почему? Вряд ли он мог это объяснить. Возможно, им руководило все то же таинственное предчувствие, шепнувшее, что так будет лучше всего. Как бы там ни было, он закрепил на поясе фонарь и, вырезав достаточное количество масляничных желез, не стал спускаться, пока не набил ими емкость пресса, не завернул его до отказа и не заполнил склянку маслом до нужной отметки. Только после этого, завернув пробку на драгоценной теперь склянке, он начал спуск. Но, увлеченный выжимкой масла, он начисто забыл о втором спороносе у себя за спиной. От неосторожного движения стебель качнулся под его тяжестью, и Дубров почувствовал, что его спина на мгновение уперлась в мягкую податливую поверхность. В ту же секунду оглушительный взрыв хлестнул по нему сзади. Страшная сила оторвала руки от ствола, приподняла его в воздух и швырнула вниз. Удар был так силен, что на несколько секунд он потерял сознание, а придя в себя, понял, что лежит плашмя на спине, сжимая в руках свою драгоценную склянку. Кости, кажется, не пострадали, впрочем теперь это уже не имело значения. Фонарь отлетел далеко в сторону, но не разбился и не погас. Дубров хотел до него дотянуться, однако резкая боль в пояснице вновь опрокинула его навзничь. Собравшись с силами, он оперся на руки и сел, преодолевая боль, пронзившую теперь уже все его тело. Оставалось только отвернуть пробку...

Когда наконец глаза Ротанова вновь обрели способность что-либо различать, он увидел сидящего на песке Дуброва. Песок, на котором тот сидел, показался Ротанову не совсем обычным. Он был значительно темнее остального песка, и это темное пятно плотным кольцом опоясывало мощный ствол трескучки, опершись о который сидел Дубров. Казалось, что весь песок вокруг него обильно посыпали черной сажой. Но это было еще не все. Внимание Ротанова было направлено на Дуброва, а все, что произошло затем, заняло не более нескольких секунд. Все же боковым зрением он заметил, что песок словно бы шевелится под Дубровым, будто на него волнами налетала рябь от ветра, хотя никакого ветра здесь не было. Фонарь, который в первое мгновение ослепил Ротанова, валялся в нескольких шагах от Дуброва и освещал его руки, рюкзак и нижнюю часть лица. Их разделяло теперь не больше двух метров, и Дубров, несомненно, увидел высунувшегося из зарослей Ротанова. Нехорошо усмехнувшись, он медленно поднес к губам стеклянный пузырек.

— Не делайте этого! — крикнул Ротанов и, оттолкнувшись обеими ногами, бросил свое тело вперед. Но было уже поздно. Склянка выпала из рук Дуброва, плотные маслянистые капли жидкости стекали по его щекам. Секунду они, не двигаясь, смотрели в глаза друг другу. Постепенно лицо Дуброва начало бледнеть, кожа словно бы становилась прозрачнее. Одновременно Ротанову показалось, что вся его фигура приобрела какую-то странную мешковатость. Исчезли плечи, подбородок безвольно свесился на грудь. На глазах у Ротанова одежда Дуброва стала съеживаться, словно она превратилась в оболочку проколотой футбольной камеры, из которой выходил воздух.

Через минуту одежда лежала рядом с рюкзаком бесформенной пустой кучей. Фонарь отбрасывал на песке резкие тени. Ротанову показалось, что он сходит с ума. Он бросился к одежде и схватил ее, словно надеялся что-то удержать. Потом выпустил куртку осторожно, словно она была стеклянной. Перевернул штаны и заглянул в пустые ботинки, будто надеялся обнаружить там разгадку бесследного исчезновения Дуброва. Вся обратная дорога слилась для Ротанова в бесконечный хлещущий поток ветвей и листьев. Когда он добежал наконец до ограды, одежда на нем висела клочьями, а на исцарапанной коже выступили капельки крови. Теперь придется пройти полный цикл дезинфекции и профилактики... Куда он так спешил? Его руки сжимали рюкзак. Прежде чем уйти, он механически сунул в него одежду Дуброва. Он не верил больше собственным глазам, и единственная трезвая мысль помогала ему сейчас сохранить рассудок. Все, что он видел, могло быть лишь галлюцинацией, навеянной ядовитыми испарениями трескучек... Ноги сами собой принесли его к коттеджу, в котором жил Дубров. В ответ на звонок автомат любезно отодвинул перед ним дверь тамбура. Обычно это означало, что хозяин дома...

Дубров лежал в постели. Увидев Ротанова, он стремительным движением поднялся на ноги. Так встает человек, еще не успевший заснуть и лишь за минуту до этого прилегший в постель. Так встает человек, привыкший к постоянному ожиданию опасности. Не скрывая иронии и неприязни, Дубров пристально разглядывал стоявшего на пороге Ротанова.

— Чему обязан столь неожиданным вторжением?

— С вами ничего не случилось?

— Как видите. А что должно было со мной случиться?

Ротанов уже взял себя в руки.

— Зачем вы выходили из поселка час назад?

— У вас галлюцинации, инспектор. В период цветения шаров это бывает.

— Может быть, вы будете утверждать, что это не ваша одежда? — Ротанов вывалил из рюкзака на пол подобранные в зарослях тряпки.

Дубров встал и распахнул шкаф. На плечиках в строгом порядке была развешана обычная рабочая одежда колонистов. Ротанов не мог определить, вся ли она на месте, но это ничего не меняло. История начинала смахивать на какой-то чудовищный фарс.

2

Сразу за поселком речная долина, раздвинув цепочку из невысоких холмов, исчезала, растекалась вширь, полностью терялась в песчаных и каменистых нагромождениях пустыни. Голубовато-зеленый цвет почвы не радовал глаз, выглядел мертвым.

Приземистое тело вездехода, накрытое выпуклым прозрачным колпаком, перевалило через гребень последнего холма и погрузилось в бескрайнее до самого горизонта марево реанской пустыни. Кроме водителя, в кабине сидели Ротанов и Крамов. Кондиционеры работали нормально, и все же каким-то непонятным путем ощущение удушающей жары проникало в кабину. Разговаривать не хотелось. Слова будто запекались на губах. Казалось, вездеход не движется, он словно стал частью пустыни, вплавился в ее поверхность, намертво и навсегда, даже толчки и тряска не могли развеять этого ощущения. Гидравлические рессоры работали с полной нагрузкой. Первозданное лицо планеты так и не пересекли дороги, сделанные руками людей. Хаос, не упорядоченный тысячелетней работой воды, царил на Реане. Вода здесь была, но так глубоко, что на поверхность не проникала. Она отсутствовала везде, кроме одного-единственного места. В долине Трескучих Шаров.

Вообще говоря, Ротанов хорошо знал, что такие странные исключения из правил только кажутся случайным капризом природы. За ними почти всегда стоит неизвестная людям закономерность.

Одна-единственная живая долина, один-единственный холм с этими развалинами на всей планете, а остальное — вот эта пустыня... Тут было над чем задуматься. Вчерашнюю историю с Дубровым Ротанов старался загнать в подсознание, вычеркнув из мыслей. Она мешала ему работать, мешала сосредоточиться и, непроизвольно врываясь в строгий ход его рассуждений, изнутри взрывала все построения. Полное отсутствие логики могло означать лишь одно — на поверхность выплыла какая-то ничтожная часть неизвестной и сложной системы, думать об этом сейчас бы-

ло бесполезно. В галлюцинации он не верил. И оставалось лишь накапливать новые факты.

С каждым километром, приближающим их к цели, характер пустыни менялся. Спрятались под песчаными наносами выходы скальных коренных пород, исчезли трещины и выбоины, дорога стала ровнее. В конце третьего часа на горизонте появился холм. Ротанов сразу же узнал его по фотографии, хотя самих развалин отсюда еще не было видно. На фоне фиолетового неба Реаны даже издали этот единственный на сотни километров равнины холм казался величественным, и не нужно было обладать особой фантазией, чтобы представить, как строго и пропорционально выглядели бы на нем зубчатые стены, ныне почти исчезнувшие под тысячетными пластами пыли.

Восхождение на холм началось задолго до того, как они приблизились к нему вплотную. Холм состоял из широких пластов древнего песчаника, наслоенных друг на друга и представляющих собой некое подобие лестницы с многокилометровыми ступенями. Переход со ступени на ступень был довольно плавен, порой было трудно заметить, когда вездеход преодолевал очередной подъем. Наверно, сверху все это природное сооружение походило на стопу блинов различной величины. Самый маленький блин лежал на вершине. До него оставалось не менее двух километров, когда Ротанов попросил остановить машину и вышел наружу. Всплеск раскаленного воздуха был похож на удар, и все же он снял маску и вдохнул воздух Реаны. Здесь, вдали от цветущих трескучек, это было вполне безопасно, хотя горячий воздух и обжег ему легкие. Теперь он смог полнее ощутить обстановку этого места, его настроение. Ему хотелось сделать это прежде, чем они увидят развалины. Минуты три он стоял неподвижно, слушая такую ватную и плотную тишину, какая бывает лишь в космосе, даже дыхание ветра не нарушало ее сейчас. Ротанов повернулся спиной к вездеходу и ушел в сторону от проложенной им колеи. Ему хотелось вычеркнуть из пейзажа все внешнее, искусственно привнесенное людьми. И тогда ему показалось, что тишина и ощущение мертвого покоя в этой пустыне были, пожалуй, слишком полными и от этого чуть театральными.

Последние километры уже не вызывали в нем никакого интереса. До самых развалин он сидел, откинувшись на подушках и нахмутив свое скуластое лицо, рассеченное глубокими складками обветренной кожи. Наконец, подняв целое облако пыли, вездеход затормозил возле развалин. Как и предполагал Ротанов с самого начала, развалины не произвели на него особого впечатления. От

стен почти ничего не осталось, а то, что осталось, было скрыто под слоем песка. Неудивительно, что их проглядели во время разведки планеты.

Они привезли с собой универсального кибера, и теперь водитель торопливо навинчивал на него необходимые приспособления. Надо было расчистить песок метра на два в глубину, чтобы обнажить кладку. Ее характер, размеры блоков, качество цемента могли немало рассказать опытному археологу. Ротанов не был археологом, но в каких только ролях не приходилось выступать инспекторам врезанных поселений! Их знания были универсальны, а мнение ценилось зачастую выше мнения экспертов, возможно, потому, что обширная практика работы на удаленных планетах освобождала их мысли от готовых шаблонов и стандартов.

Наконец кибер был готов приступить к работе. Со своими навесными лопатами и скребками он стал похож теперь на большого жука, распутившего крылья и вставшего на задние лапы. Водитель подключил к нему кабель питания, и жук решительно двинулся вперед, повинувшись командам выносного пульта. Работа требовала осторожности, и пришлось отказаться от автоматической программы.

Постепенно лопаты кибера углублялись в песок, отбрасывая его назад и в стороны. Траншея вдоль холмика, обозначившего стену, становилась все глубже. Неожиданно мотор кибера противно заурчал. Кибер рванулся в сторону и вдруг стал стремительно погружаться в песок, словно проваливался в какую-то трясику.

— Выключите его! — крикнул Ротанов, но водитель и сам уже догадался это сделать.

В полной тишине, с остановившимися двигателями кибер продолжал погружаться. Вокруг него образовалась небольшая воронка, — казалось, песок под машиной просыпался в какую-то внутреннюю полость. Водитель раздвинул лапы кибера как можно шире, стремясь заклинить машину в провале. Это ему удалось, кибер остановился, и теперь в немом молчании они смотрели, как песок вокруг машины продолжает просачиваться, утекает как вода, постепенно обнажая стены трещины. Впрочем, это была не трещина. Уже сейчас можно было различить правильный прямоугольник отверстия, ведущего куда-то вниз.

Помещение напоминало ящик. Три метра ширины и два высоты. Когда кибер снял со стены толстый слой грязи и включил дополнительное освещение, кто-то заметил, что одна из стен не совсем обычна. Она была сложена маленькими восьмигранными блоками, плотно пригнанными друг к другу и почти не поддавав-

шимися разрушительной работе времени. Даже в том месте, где стена обрушилась, внутренняя часть блоков сохранилась. Восьмигранные призмы, сделанные из какого-то очень твердого белого материала, уходили в стену на всю ее толщину. Несмотря на необычность кладки, Ротанов отнес ее к рэнитовскому периоду, и только когда кибер начал чистить соседнюю стену, они заметили наконец, что при определенном боковом освещении ровный белый цвет блоков начинал меняться...

Им потребовалось не меньше часа для того, чтобы протянуть дополнительные кабели и установить по бокам стены все осветители, какие только нашлись на вездеходе. Водитель снаружи замкнул рубильник и спросил, все ли в порядке. Но ему никто не ответил. Они стояли рядом, плечом к плечу и не могли произнести ни слова. Казалось, минуты текли как тысячелетия, смотревшие на них сквозь эту стену... Еще раньше, до того, как включили освещение, Ротанов с помощью радиоизотопного анализатора определил возраст материала, из которого были сделаны призмы. Едва он нажал кнопку, как в окошечке прибора зажглись цифры: пятьдесят тысяч лет.

Картина проявлялась постепенно, как фотография, по мере того как водитель регулировал свет. Многое зависело от места расположения источников и от силы света каждого из них. Когда удавалось найти нужный угол и отрегулировать силу света, где-то в глубине шестигранников, а иногда у самой поверхности их цвет едва заметно менялся, словно какой-то невидимый художник трогал их мягкой цветной пастелью. Границы между различными цветовыми оттенками были нечетки, расплывчаты, и потому картина не имела определенных сюжетных контуров, это был просто набор цветowych пятен. Но в их сочетании угадывалось скрытое настроение, какой-то музыкальный, неполно выраженный тон. И чем дольше Ротанов всматривался в эти цветные пятна на стене, тем яснее понимал, что это не абстракция, что на стене изображено нечто вполне конкретное. Они просто еще не поняли, не нашли способа понять, что именно хотел им поведать неведомый художник через тысячелетия... Отчего-то Ротанова не покидала уверенность, что картина адресована именно им, что она, возможно, несет какую-то важную информацию. Это было нелепое предположение, но совсем недавно он столкнулся на этой планете с еще более невероятным фактом...

- Мне кажется, картина не в фокусе, — сказал водитель.
- Как вы сказали? Не в фокусе?!
- Я хотел сказать, она не резка, размыта; наверно, время...

— Нет. Вы сказали «не в фокусе»! — Ротанов на секунду задумался. — Нам нужна планка, линейка, все равно что, нужна достаточно большая ровная поверхность!

Через несколько минут они уже знали, что поверхность стены имела плавную, незаметную для глаза кривизну. Стена представляла собой часть огромной правильной сферы, и теперь уже нетрудно было рассчитать ее фокус. Через час, убрав обломки породы и песок, они обнаружили, что помещение удлинилось на добрых четыре метра. Кривизна была рассчитана так, чтобы фокус находился на уровне глаз человека, стоящего вплотную к противоположной стене. Только один человек одновременно мог видеть картину, словно она несла в себе некую тайну, не предназначенную для посторонних глаз...

Почему-то никто не решался первым встать в это заранее рассчитанное бортовым компьютером место. Нечто величественное и тревожное угадывалось в том, с каким упорством, последовательностью и целеустремленностью была задумана неведомыми конструкторами эта стена, задумана так, чтобы пронести через тысячелетия некий образ, поведать потомкам о чем-то таком, ради чего стоило создавать все это сооружение...

Нужно было сделать всего лишь шаг, один шаг. Ротанов вздохнул, провел по лицу рукой, словно прогоняя неведомое сомнение, и шагнул к точке фокуса.

Картина не была объемной. В первую секунду Ротанову показалось, что она не была даже цветной, и только потом он различил очень блеклые, едва уловимые цветовые оттенки. Зато здесь, в точке фокуса, картина наконец стала резкой. Отчетливо проступили все линии, штрихи, детали... Впечатление разбивалось, дробилось на отдельные, не связанные сюжетно части. Вначале он увидел кусок планетного пейзажа, в центре картины, то, несомненно, была Реана. Реана в глубокой древности, когда здесь еще не было пустынь. Все пространство заполняли огромные, гордые, словно летящие навстречу небу шары трескучек... Планета трескучек? Кто же тогда создал это полотно, какой неведомый художник? Вдруг он заметил в правом нижнем углу картины знакомый холм, на котором они нашли развалины. Он сразу же узнал его, может быть, потому, что башни и зубчатые стены строений на фоне блеклого фиолетового неба выглядели так, как он пытался их себе представить еще там, в пустыне.

Весь холм и эта старинная, защищенная высокой стеной крепость выглядели в пейзаже чужеродным телом. Они смотрелись как остров в зеленом море со странными белыми гребешками волн...

Трескучки окружали замок со всех сторон, жались к стенам, гнездились в расселинах скал. Когда Ротанов едва заметно менял угол зрения, часть картины сразу же тускнела, словно пела, зато высвечивалась новая часть, и он никак не мог найти положения, в котором удалось бы увидеть ее сразу всю целиком. Впрочем, такое разбитое на отдельные фрагменты впечатление его пока устраивало, оно помогало полнее усваивать информацию. Неожиданно для себя он установил, что светлое округлое пятно над поверхностью планеты вовсе не солнце, а человеческое лицо. Лицо женщины с огромными, чуть разнесенными глазами, смотрящими пристально и тревожно. Чуть позже он увидел ее руки, словно простертые над планетой в немом призыве, в попытке защитить, спасти раскинувшийся под ней зеленый мир от какой-то угрозы. Пожалуй, это было его собственное, субъективное впечатление. Проследив за направлением ее рук, он заметил на поверхности планеты еще одну человеческую фигурку, совсем маленькую и как бы устремленную навстречу женщине. Несколько мгновений Ротанов никак не мог поймать в фокус лицо этой фигуры, по общему облику он не сомневался, что это мужчина, и невольно удивился диспропорции в размерах: огромное летящее над планетой лицо женщины, а на поверхности под ней крошечная фигурка мужчины... Он все еще старался поймать в фокус лицо мужчины, когда заметил у его ног целую шеренгу каких-то загадочных и совсем уж маленьких лохматых существ. Он долго пытался понять, что они собой представляют. И вдруг забыл о них, потому что после какого-то непровольного движения вся картина стала наконец резкой. Ощущение тревоги и безысходной тоски навалилось на Ротанова с неожиданной силой. За спиной женщины появились пятнышки звезд, они сплелись в незнакомые созвездия. Казалось, женщина летит откуда-то из темных глубин космоса, летит к планете, хочет обнять ее, защитить от неведомой грозной опасности и не успевает... На ее лице ясно видны отчаяние и почти безнадежная мольба о помощи. Какие-то темные могучие силы сминают, разрушают перед ней поверхность планеты. В открывшуюся взору Ротанова воронку голубоватой грязи рушатся скалы и самые стены замка, в ней без следа исчезают белые шары трескучек и беспомощные лохматые существа, сбившиеся у ног мужчины. Ротанову казалось, он слышит некую грозную мелодию разрушения. Мелодию, не затерявшуюся в бездне веков, грозящую неведомой опасностью им самим... Сегодняшнему дню планеты... На самом краю воронки, наполненной голубой грязью, стояла фигурка человека с поднятыми навстречу женщине руками. Но грязь, растекаясь по всей

поверхности планеты, отделяла их друг от друга. В лице мужчины Ротанов ясно видел отчаяние, и вдруг это лицо показалось ему знакомым... Ротанов узнал тяжелый разлет бровей, широкий лоб с характерной сеточкой морщин... Картина обладала поразительной способностью передавать мельчайшие детали. Но лица людей часто бывают похожи, к тому же картина ничего общего не имела с фотографией, это было прежде всего художественное произведение, и все же... Сознание отказывалось принять противоречащий логике факт, упорно подыскивало более правдоподобное объяснение. Хотя он больше уже не сомневался в том, что узнал человека, изображенного на картине.

Пока водитель готовил вездеход к обратной поездке, Ротанов и Крамов спустились метров на сто по склону холма. Они шли рядом молча довольно долго. Ротанов был благодарен Крамову за то, что тот дает ему время обдумать все происшедшее и не пытается навязать собственные суждения, не задает ненужных вопросов, просто ждет решения, и все.

Солнце клонилось к закату, и в цвете пустыни наступило странное изменение. Может быть, оттого, что лучи фиолетового светила падали на землю слишком косо, они окрасили ее в голубоватый цвет, очень похожий на тот, что так поразил Ротанова на картине.

— Голубая грязь... Вам не кажется, что в почве планеты все еще есть ее остатки и именно поэтому она так безжизненна?

— Но ведь анализы...

— Анализы! Анализы не всегда улавливают нюансы, да и химикаты не всегда ищут то, что нужно. Это придется проверить. Во всяком случае, место то самое... Где-то здесь прямо под нами был центр воронки.

— За десятки тысячелетий слишком многое изменилось.

— Да. Кроме Дуброва, пожалуй. — Они внимательно посмотрели друг на друга.

— Вы его хорошо знали? С самого рождения?

— Да. Мальчишкой он был непоседливым, энергичным, довольно способным, а взрослым... Даже не знаю, что сказать... Была в нем одна черта. Я бы назвал ее повышенным чувством справедливости и еще, пожалуй, замкнутость.

— Сейчас я хочу знать другое. Были ли такие периоды, когда Дубров оставался вне сферы вашего наблюдения? Оставался один на достаточно долгий срок?

— Мы здесь не следим друг за другом. Планета безопасна. Такие периоды бывают у каждого из нас. Конечно, и Дубров вел са-

мостоятельную работу. Мне кажется, ваша версия ошибочна. Даже сейчас в нем мало что изменилось.

— Я обязан проверить любые возможные версии, — сухо возразил Ротанов. — Надеюсь, вы поняли, насколько все стало серьезней после этой картины. Меня не покидает мысль о самом помещении. Это не зал для демонстрации. Это вообще не зал. Просто каменный параллелепипед. Он чересчур функционален. С одной единственной задачей — нечто вроде почтового ящика...

— И в нем послание, адресованное именно нам?

— Вполне возможно... Эвакуацию вашей колонии придется отложить до прибытия специальной экспедиции. Хотя я не буду настаивать на такой экспедиции.

— То есть как?

— Я считаю, что у вас в колонии есть все необходимые специалисты. Вам просто нужно перестроить работу. Ориентировать людей на совершенно новые задачи и сделать это немедленно, еще до прибытия транспорта со специальным оборудованием. Меня не покидает мысль, что у нас очень мало времени, может быть, слишком мало... Мы должны разобраться в ситуации, прежде чем она полностью выйдет из-под контроля.

— Вы предполагаете такую возможность?

— Во всяком случае, обязан ее учитывать.

Они надолго замолчали. Ротанов почувствовал, что Крамов что-то хочет сказать ему, но почему-то не решается. Наконец он начал, глядя в сторону:

— Не знаю, поможет ли вам это. Но после истории с картиной самые невероятные вещи кажутся мне заслуживающими внимания.

— А вы знаете еще что-нибудь из этой серии?

— Не знаю, из какой это серии. Думаю, вам лучше всего посмотреть на них самому. Это недалеко. Каких-нибудь двадцать километров в сторону от прямой дороги в поселок. Нам нужно успеть часам к шести. Раньше они все равно не выходят. Только после заката.

Двадцать километров в сторону от проложенной колеи вездеход проделал за полчаса, и перед самым закатом они очутились в русле сухой речки. Еще в дороге, сориентировавшись по фотокарте, Ротанов понял, что долина этой пересохшей речки тянется от самой рощи трескучек. Отсюда до поселка было всего километров восемь. Крамов попросил остановить вездеход и первым скрылся в нагромождении скал, закрывших долину. Когда Ротанов его нагнал, Крамов жестом попросил его не шуметь, хотя сам шел до-

вольно неаккуратно, то и дело задевая толстыми подошвами ботинок за камни. Внизу он выбрал большой гладкий валун, уселся на нем и достал пакетик с орехами. Не скрывая раздражения от его слишком загадочного и несколько театрального поведения, Ротанов остановился рядом.

— Вы бы объяснили, чего мы здесь ждем.

Крамов только пожал плечами:

— Это нужно увидеть самому, наберитесь терпения, до заката осталось всего несколько минут.

Действительно, Гамма, звезда этой далекой системы, уже коснулась горизонта. Ее диск неправдоподобно распух, сплюсненный толстым слоем атмосферы. Свет переходил из фиолетового в синий и постепенно сходил на нет. Наконец звезда скрылась за горизонтом, и над пустыней во всю ее необъятную ширь повисли серые сумерки, полные тишины и запахов нагретого за день песка.

Можно было подумать, что во всей этой огромной и мертвой пустыне еще жили и двигались лишь они двое. Неожиданно Ротанов понял, что это не совсем так. Прямо на них, с той стороны, где был расположен лагерь, двигалась какая-то темная масса. Ротанов, привыкший к тому, что любое непонятное движение на чужих планетах предвещает опасность, потянулся к оружию, но Крамов остановил его.

— Они совершенно безопасны. Главное — не двигайтесь, постарайтесь подпустить их как можно ближе, иначе вы ничего не увидите.

Сумерки сгущались, трудно было что-нибудь рассмотреть на таком расстоянии, и все же Ротанову казалось, что темная масса, двигавшаяся вдоль русла, распадается на отдельные пятнышки. Их было не так уж много — штук десять. Какие-то движущиеся предметы. Почему-то пятна казались именно предметами, а не живыми существами. Позже он понял, что в этом виновата их форма. Сейчас их разделяло всего несколько десятков метров, и Ротанов должен был признать, что никогда еще не встречал чего-нибудь более странного, чем эти движущиеся треножки. Три ноги соединены в одной точке. Не было ни головы, ни глаз, ни туловища — только эти три ноги. И по тому, как мягко изгибались эти ноги, как осторожно ощупывали почву, прежде чем сделать очередной шаг, Ротанов понял, что, несмотря ни на что, они все-таки живые... Ни один механизм не мог бы обладать столькими степенями свободы, как эти гибкие лапы, в них не было и намека на шарниры, не было места для каких-то скрытых двигателей, вообще ничего не было, кроме соединенных вместе лап... Рост каждого существа не превы-

шал полуметра, лапы толщиной с человеческую руку заканчивались не ступнями, а какими-то круглыми подушечками или присосками.

Не дойдя до застывших людей метров двадцать, существа все разом остановились. Но они не стали неподвижно, как это сделали бы механизмы. Передние существа переминались с ноги на ногу: то делали маленький шагок вперед, то отступали, словно в нерешительности. Сейчас они производили трогательное и беспомощное впечатление. Те, что шли сзади, остановились не сразу. Натолкнувшись на передних, они отступили назад. Ротанов подумал, что, скорее всего, они ничего не видят, но все же каким-то образом ощущают присутствие людей. Потоптавшись с минуту, существа начали расходиться в разные стороны.

— Следите за каким-нибудь одним, — прошептал Крамов. — И не двигайтесь.

Одно из существ, пробежав совсем рядом, начало карабкаться на крутой склон. Ротанов только теперь оценил, как хорошо приспособлено их тело к движению по неровной поверхности. Живой треножник сплюснулся, прижался к самой земле и, широко расставив лапы, цеплялся за малейшие трещины и выступы камня. Взобравшись на пологую часть террасы, он остановился, приподнял лапу и вдруг начал быстро вращаться на месте, как это делают балерины. Вокруг него появилось облачко пыли, одна из лап треножника начала зарываться в мягкую породу, образуя в ней небольшую лунку. Раздался треск, и в том месте, где только что стоял треножник, сверкнула электрическая искра. Существо исчезло.

— Это все, — сказал Крамов. — Теперь вы можете попытаться поймать любого из оставшихся. Бегают они довольно плохо.

Не дожидаясь повторного приглашения, Ротанов бросился к ближайшему существу. Оно тут же пустилось от него наутек. Расстояние между беглецом и преследователем быстро сокращалось, и когда Ротанову оставалось лишь протянуть руку, раздался уже знакомый треск электрического разряда и существо рассыпалось у него на глазах, превратилось в облачко темноватой пыли, медленно оседающей на землю. Порыв ветра подхватил часть этой пыли и унес в пустыню. Пораженный, Ротанов обернулся, но увидел только одинокую фигуру Крамова, неподвижно стоявшего на месте. Нигде не было видно больше ни одного треножника.

— Со всеми произошло то же самое?

Крамов молча кивнул.

— Почему вы ничего не сообщали о них в своих отчетах?

— Они появились недавно, всего несколько дней назад. Их появление непосредственно связано с цветением трескучек.

— Интересно. Каким же образом?

— Пыль, которая остается после разряда, на самом деле вовсе не пыль. Это зрелые споры трескучек. Собственно, все тело треножников состоит из этих спор, связанных между собой неизвестной нам энергией. Когда заряд энергии оказывается израсходованным, они распадаются. То же происходит при малейшей опасности. Наши биологи предполагают, что эти образования несут одну-единственную функцию — разнести как можно дальше пылицу трескучки.

— Ну да, простой и экономичный способ. Как они устроены? Откуда получают энергию? Как получают и каким образом перерабатывают информацию об опасности?

— Этого мы не знаем. Никто еще не держал в руках самого треножника, они всегда распадаются. Установлено, что образуются они в зарослях трескучки сразу после взрыва спороноса и тут же пускаются в путь, стараясь как можно дальше уйти от места рождения. Иногда их встречали в пустыне за десятки километров от дома. Это все, что мы о них знаем.

— Пусть этим займется специальная группа биологов. Необходимо выяснить, как они образуются. Единственная ли это форма спороносителя, или возможны другие, и самое главное вот что... Нужно выяснить пути их миграций. Определить места, в которые они стремятся, если только их миграции подчинены какой-то системе... — Ротанов надолго задумался, стало уже совсем темно, и Крамов зажег мощный фонарь. Луч света сразу же сгустил темноту вокруг них и словно прорубил в ней узкий голубой коридор.

— Вы ничего не заметили знакомого в их облике?

— Знакомого? Они похожи на штатив, на треножник буссоли.

— Я имею в виду не это... Мне показалось, что они очень похожи на тех лохматых существ, что мы видели на картине у ног Дуброва, только здесь они гладкие.

— Да. Пожалуй... Дубров. Снова Дубров. Одно из двух: или этот человек проник в загадки Реаны гораздо дальше любого из нас, либо он...

— Вы хотите сказать «нечеловек»?

Ротанов ничего не ответил. Еще с минуту они стояли молча, слушая, как ветер, усилившийся после заката, свистит в трещинах скал у них над головой.

— Пойдемте, — сказал Ротанов. — Дубровым я займусь сам.

Ротанов сидел за своим рабочим столом в отведенном ему коттедже. Стол был абсолютно пуст, если не считать открытого чистого блокнота и его любимого серебряного карандашика. Прямо перед ним светился экран дисплея главного информатора колонии, на котором то и дело появлялись слова: «Канал свободен».

Наконец Ротанов потянулся к клавиатуре и отстучал задание: «Все данные о колонисте Дуброве по форме 2К». Ему пришлось набрать специальный шифр, так как эта форма выдавалась только в случае официального расследования. Набрав шифр, он словно поставил некую невидимую точку в своих собственных рассуждениях. Просматривая информацию, поступающую на экран, он делал пометки в блокноте и, когда закончил, удивился тому, как мало их получилось. Родился в колонии тридцать лет назад. Прошел полный курс обучения на биолога. Нет семьи. Это он подчеркнул: для колониста в возрасте Дуброва это было необычно. Специализация: агробиолог. Тема: «Активные химогены в масле трескучек».

Интересующих Ротанова сведений оказалось на удивление мало. Прожил человек тридцать лет, учился, закончил самостоятельную работу — вот и все, что можно о нем узнать из картотеки. Впрочем, Ротанова никогда не удовлетворяли официальные сведения. В личную карточку вносились лишь основные, определяющие события в жизни каждого человека, а его сейчас интересовали нюансы, черты характера, странности, срывы — словом, все то, чего машина знать не могла... Правда, оставался еще медицинский бюллетень. Здесь ему повезло больше, в графе «Приобретенные болезни, связанные с местной фауной» он нашел знакомую запись: «Отравление растительными ядами, галлюцинации», а чуть ниже еще одна строчка: «Описание галлюцинаций соответствует Романовского тесту». Описание... Вот как, описание... Кто же их описывал? Врач или сам больной? Это необходимо выяснить и разыскать эти самые «описания». Первая встреча с Дубровым прошла на удивление бестолково. Он не мог простить себе того, что не подготовился к ней как следует. И конечно, Ротанов не мог знать, что теперь, тщательно готовясь к предстоящей встрече с Дубровым, он совершает вторую, еще большую ошибку, расходуя попусту последние, еще оставшиеся у него часы...

В медицинском коттедже его встретил рыхлый человек со светло-русой бородой и большими голубыми глазами. По всему было видно, что он рад приходу Ротанова. Было очевидно, что пациенты не досаждали ему своими посещениями. Выслушав Ротанова,

он долго копался в папках и наконец щелкнул замком дисплея, опустив в него магнитную карточку, но в ней не оказалось нужных инспектору сведений. Человек, описавший галлюцинации Дуброва, месяц назад покинул Реану с очередным транспортом и не оставил этих записей. Почему? В конце концов Ротанову удалось выяснить, что основой для медицинского заключения был личный отчет Дуброва о своих «видениях», переданный впоследствии в медицинский сектор. С отъездом бывшего врача колонии следы его также затерялись. Все это было достаточно странно и наводило Ротанова на тревожные размышления. Должны были быть какие-то весьма веские причины, заставившие бывшего врача, лицо официальное, нарушить правила и увезти с собой документы, если только они вообще не были им уничтожены... Но почему, почему? Ответить на этот вопрос можно было, пожалуй, лишь вернувшись на Землю и разыскав этого самого Гребнева. А сейчас он вынужден был довольствоваться обрывками сведений.

Встретившись со школьным учителем, с научным руководителем и еще с двумя-тремя людьми, знавшими Дуброва лично, он наконец вернулся к себе, выключил всю аппаратуру связи, запер двери коттеджа и вновь уселся за пустым столом. Пора было подвести какой-то итог. Знал он примерно следующее: месяц назад по неизвестной причине Дубров попробовал сок трескучки. Он не стал этого скрывать. Напротив, написал какой-то рапорт на имя председателя совета. На основании этого рапорта его сочли больным и временно отстранили от работы. О характере действия самого сока пока что выяснить не удалось ничего. У Ротанова сложилось впечатление, что колонисты упорно избегают разговоров на эту тему, словно между ними существовало некое тайное табу по поводу всего, что касалось трескучек. Следующий бесспорный факт — его личная встреча с Дубровым, во время которой тот заявил, что сок трескучек не наркотик, и отказался что-либо объяснить... Потом это ночное преследование и исчезновение Дуброва. Ротанов невольно поежился. Это было, пожалуй, самое необъяснимое место во всей истории с трескучками. Если бы не рюкзак с одеждой, он мог бы, пожалуй, поверить в собственные галлюцинации, наконец, в то, что Дубров стал временно невидимым. Но подобранная одежда делала эти предположения неправдоподобными, приходилось признать, что Дубров именно исчез, испарился, перестал существовать в данное время и в данной точке пространства и одновременно появился в какой-то другой точке. У себя в коттедже или, быть может, где-то еще?

Ротанов почувствовал, что впервые с начала расследования он наконец напал на какую-то действительно ценную мысль. Цен-

ную потому, что она давала какую-то нить для объяснения этих невероятных фактов.

Парадоксальные факты требовали такого же объяснения. Если принять это как рабочую гипотезу, то следовало дальше предположить, что неизвестные художники много тысяч лет назад встретились именно с Дубровым... От одной этой мысли его лоб покрывается испариной. Если продолжать рассуждать в том же духе, то можно додуматься черт знает до чего... А тут еще эти треножки и вообще вся картина... Он тут же прервал себя: «Стоп. О картине пока не будем. Слишком мало данных. Не надо отвлекаться от Дуброва». Казалось, чего проще — встретиться с ним еще раз... А почему бы и нет? Почему не попробовать честно сказать человеку, что произошла ошибка, что его рапорт неверно поняли, что теперь ему верят и просят помочь. Даже если Дубров откажется, уже само по себе это будет значить немало. Тогда можно заняться второй версией, попытаться доказать, что под личиной Дуброва скрывается кто-то чужой... Пока для этого не было ни малейших оснований.

Еще раз перебрав в уме все доводы, взвесив все полученные заново факты, Ротанов наконец решил еще на одну попытку откровенного разговора с Дубровым. Несмотря на поздний час, он потянулся к селектору. Теперь, когда в его мыслях появился намек на какой-то порядок, не хотелось ничего откладывать. Экран селектора замигал желтым огоньком. Абонент не отвечал на вызов... И когда через полчаса без предупреждения к нему ввалился Крамов, он уже догадался, что опоздал, что встречи с Дубровым не будет...

— Дубров ушел. Совсем ушел.

В минуты сильного волнения Ротанов всегда говорил медленно, тщательно подбирая слова. Вот и сейчас спросил с расстановкой, нарочито спокойно:

— Он ведь и раньше самостоятельно покидал поселок. Может быть, сейчас?..

Крамов отрицательно покачал головой:

— Я думаю, теперь он не вернется обратно. Во всяком случае, пока...

— Пока я здесь?

Крамов кивнул.

— Почему вы это допустили? Как вообще это могло случиться?

— Дубров свободный человек. Я не могу приставить к нему охрану. Для того чтобы лишить человека права на свободу поступков, необходимо решение Высшего Совета Земли.

— Не будьте формалистом, Крамов! Вы отлично знаете, о каких серьезных вещах идет речь. Вы не имели права выпускать его из поля зрения!

— Не видел в этом необходимости. Я верю Дуброву. Мне кажется, он знает, что делает.

Ротанову приходилось прилагать все больше усилий, чтобы не сорваться, не высказать Крамову всего, что он думал о его поведении в истории с Дубровым. Не имело смысла ссориться с этим человеком, единственным, на кого он мог здесь опереться.

— Почему вы решили, что Дубров не вернется?

— Он взял с собой полный рабочий комплект полевого снаряжения, месячный рацион, ну и еще кое-что...

— По крайней мере, из этого следует, что искать его нужно здесь, на Реане. — Ротанов мрачно усмехнулся. — Когда вы мне говорили, что с Дубровым все обстоит не так просто, что мне не удастся изолировать его, вы имели в виду именно это?

— Не только. Человек, попробовавший сок трескучки, становится уже не просто человеком. Во всяком случае, не простым человеком. Мне кажется, вы и сами это поняли.

— Да, кое-что я понял, к сожалению, без вашей помощи... — не удержался от упрека Ротанов. — Вначале вы умолчали о живых спороносителях, теперь чего-то недоговариваете о Дуброве. Я ведь не к теще на блины приехал!

— Здесь наш дом. Наши дела. Земля далеко отсюда, а в своих делах мы разберемся сами. Вы здесь гость.

Ротанов отвернулся. Он с трудом подавил в себе гнев. Его полномочия на этой далекой планете стоили не так уж много. В основном они зависели от него самого, от тех взаимоотношений, которые складывались с колонистами. Почти никогда Ротанов не пользовался чрезвычайными правами инспектора, старался даже не напоминать о них. Вот и сейчас одну-единственную вещь сказал он Крамову, не мог не сказать...

— Все мы здесь гости, Крамов. Все люди. И дом этот чужой. Мы даже не знаем, чей он. Подумайте об этом.

«Чтобы понять до конца, нужно испытать самому» — старая истина. Старая как мир. Ротанов сидел, опершись спиной о толстый ствол трескучки, как совсем недавно в этом самом месте сидел Дубров. Казалось, непостижимым образом время сделало полный круг и вернулось к первоначальной точке. Только на месте Дуброва теперь сидел он сам... Капля за каплей сочился из пресса маслянистый, остро пахнущий сок. Он не хотел рисковать и ре-

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕЗОН ТУМАНОВ. *Роман*

Часть первая. Белые колокола Реаны	7
Часть вторая. Гидра	63
Часть третья. Спираль	192

ДОЛГИЙ ВОСХОД НА ЭННЕ. *Роман*

Часть первая. Гости из бездны	225
Часть вторая. Планета белых ночей	343

ПЛАНЕТА ДЛЯ КОНТАКТА. *Повесть* 467 |

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА. *Повесть* 581 |

ШОРОХ ПРИБОЯ. *Повесть* 681 |

Гуляковский Е.

Г 94 Сезон туманов : романы, повести / Евгений Гуляковский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 768 с. — (Мир фантастики).

ISBN 978-5-389-11584-2

Давно отгремели битвы на картонных мечах между «светлыми» рыцарями из ордена братьев Стругацких и «темными» из молодогвардейского стана. Помнят о них теперь лишь ветераны, лелеющие декоративные шрамы как свидетельства своей личной причастности к тем героическим временам. Кто победил в тех битвах? Конечно, победила фантастика, настоящая, талантливая, живая, неважно, к какому стану принадлежали ее творцы.

Книги Евгения Гуляковского прочно стоят на полке отечественной фантастической классики. Уже первый его роман, «Сезон туманов», провал брешь в жанровой ткани, став едва ли не самым первым в литературе Страны Советов образцовым космическим боевиком. Затем, с каждым новым произведением, талант автора утверждался все более, чему свидетельство такие важные премии, как «Аэлита» (1998) и Литературная премия имени Ивана Ефремова (2004), — обе «за выдающийся вклад в развитие отечественной фантастики».

В книгу, кроме романа, давшего название сборнику, вошли роман «Долгий восход на Энне» и три повести — «Планета для контакта», «Запретная зона» и «Шорох приборя».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

Литературно-художественное издание

ЕВГЕНИЙ ЯКОВЛЕВИЧ ГУЛЯКОВСКИЙ
СЕЗОН ТУМАНОВ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анна Быстрова, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.06.2016. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 48. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

HMFF1961101R